

ток» Скотта, что «все они... недорисованы».⁶⁶ Напротив, Крабб, как он считал, «знает сердце человеческое». В произведениях Крабба он мог найти изображение самых различных душевных конфликтов, вызванных борьбой любви и тщеславия, любовной изменой, оскорбленным самолюбием, социальным неравенством и т. п., которые были изложены обстоятельно, точно и психологически достоверно. Очевидно, Кюхельбекер присматривался к психологической характеристике героев у Крабба, передаче душевных конфликтов в поэтической форме и именно это имел в виду, когда писал, что Крабб окажет влияние «на слог и вообще способ изложения» его поэмы.

К тому же у Крабба имеется стихотворная повесть «Вильям Бейли» («William Bailey», 1819), в которой рассказывается о дочери крестьянина, соблазненной молодым лордом; она бежала, бросив своего жениха-фермера, и навлекла на себя проклятие своего отца. Можно предположить, что эта повесть подсказала Кюхельбекеру мысль ввести в поэму Ермила и Елисея.

Наконец, у Крабба поэт-узник мог учиться технике стихотворного повествования. У Скотта же, считал он, «рассказ — почти постороннее дело, а главное — описание и поэзия элегическая».⁶⁷

Однако влияние Крабба на Кюхельбекера в поэме «Юрий и Ксения» ни в какой мере не следует преувеличивать.⁶⁸ Оно являлось лишь одним из элементов в сложном комплексе эстетических и литературных воздействий, воспринятых Кюхельбекером в процессе создания поэмы на сюжет повести о Тверском Отроче монастыре.

⁶⁶ В. К. Кюхельбекер о Вальтере Скотте, стр. 98 (запись от 7 августа 1832 г.).

⁶⁷ Литературное наследство, т. 59, стр. 411 (письмо к Н. Г. Глинке, июль—август 1832 г.).

⁶⁸ Несравненно большее значение имел Крабб для следующей поэмы Кюхельбекера — «Сирота» (1834); см. в упомянутой выше статье «Kuykhel'beker and Crabbe» (pp. 109—113).